

Горькая правда о Чернобыле

или как я попал в разведку

Очень много написано об ужасной трагедии на Чернобыльской АЭС. Это и официальные выступления, и статьи журналистов в газетах, и воспоминания очевидцев. Вот и я тоже решил написать свои воспоминания, рассказать о Чернобыле свою правду, какой бы горькой она не была. Но это будет чистая правда о том, как меня призывали, как продали в разведку, о моей работе на станции, о наградах и почему они так обесценены, о том, что можно было избежать лишних жертв и о моей жизни после аварии, как нас встречали и как нас лечили.

Жалею только об одном, что прошло уже много времени и многие имена и фамилии тех, с кем я был на станции, стёрлись с памяти. Знал бы я, что всё это пригодится, то вёл бы записи, но это не разрешалось. За фотографиями гонялись, не разрешали фотографировать и, по моему мнению, всё это делалось для того, что бы скрыть правду от своего же народа, так как при мне на станцию приезжали иностранцы и из США и из Японии.

Тем не менее, я расскажу всё, что у меня осталось в памяти.

1.

Итак, весна 1986 года. Я жил в п.Новобурино Кунашакского района Челябинской области. Совхоз, в котором я работал водителем, был подсобным хозяйством г.Челябинск-40 (ныне г.Озёрск). Было время весенне-полевых работ, и я с утра до вечера был занят на работе. О том, что в Чернобыле произошла трагедия, никаких официальных сообщений не было, лишь по слухам узнали, что где-то произошла авария.

И лишь в конце 86 года в совхоз пришла бумага из военкомата о том, что двое наших односельчан отказались ехать в Чернобыль. Что тут началось... Собрания, где их осудили, лишили всех заслуг, в общем из мужиков сделали козлов отпущения, чуть ли к стенке не поставили. Официальных сообщений так и не было. Стали появляться слухи, что и наш военкомат стал призывать людей на ликвидацию аварии. Я всё думал и надеялся, что меня не заберут, так как я служил в Ракетных войсках стратегического назначения и еще мне был 31 год, а набирали не моложе 35. Как же я ошибался!

Летом 87 года мне дважды приснился один и тот же сон - я на войне, и бой идёт в большом многоэтажном доме, чёрном здании. Вещий сон...

И вот лето 1987 года. Мне и ещё нескольким односельчанам пришли повестки из военкомата. Прибыли в назначенное время в военкомат, где нам сообщили, что мы будем проходить медкомиссию для отправки в Чернобыль. На вопрос – можем ли мы отказаться – был дан ясный и чёткий ответ «Кто откажется, то через дорогу находится прокуратура и минимум два года условно вам обеспечено». Медкомиссию в районной больнице прошли легко и быстро. Не знаю почему, но председатель медкомиссии, он же главный врач районной больницы, спросил, хочу ли я ехать в Чернобыль и что ставить в заключении – здоров или нет? Я ответил, что можно съездить, и не потому что я патриот, я испугался того, что через несколько месяцев у меня должна была быть шоферская комиссия и что я не смогу её пройти из-за того, что не прошел эту комиссию. 10 августа нас направили в Гарнизонную поликлинику в г.Челябинске и по заключению гарнизонной военно-врачебной комиссии от 10 августа 1987 года я был признан здоровым и годным.

После этого нас ещё дважды вызывали в военкомат, но оба раза отменяли призыв, то уже набрали группу, то опоздали. И вот 15 ноября пришла очередная повестка - явиться в военкомат с вещами и документами. В военкомате майор, который отвечал за призыв, при проверке моих документов схватился за голову «У тебя же истёк срок медкомиссии, прошло три месяца! Заключение от 10 августа, а призвали 15 ноября. Надо проходить комиссию заново». И он говорит – давай я исправлю 10 на 19, и тогда всё будет нормально. И я опять согласно кивнул головой. Так второй раз я профукал свой шанс отмазаться от Чернобыля. Но мне кажется что от меня всё равно бы не отстали.

И вот на стареньком холодном автобусе нас повезли за 300 км в г.Златоуст, и мы все перемёрзли до костей, пока туда доехали. Прибыв в воинскую часть, где формировалась бригада для отправки в Уральский полк, мы расположились в ДК части, но вскоре выяснилось, что прибыли не туда. Часть, куда мы должны были прибыть, находилась рядом. Это была старая расформированная ракетная часть, на базе которой формировали новую. На территории стояло несколько бараков, полевые кухни и большое количество военной техники. Нас ввели в барак, где стояли несколько столов, за которыми сидели офицеры. Началась мандатная комиссия, где отсеивались так называемые неугодные элементы, то есть те, кто был судим. Из нашей партии двоих отправили обратно. В общей сложности из пяти человек из нашего села я попал один. Как я уже говорил, двое оказались ранее судимы, один был КИПовец (один на весь район), а у четвёртого родственник работал в торговле и просто напроsto откупил его.

В части нас тут же переодели в военную форму, а свою гражданскую мы упаковали и отправили почтой домой. Утром нас распределили по взводам и ротам, и как нам объяснили офицеры, мы попали в учебную часть, где нас будут обучать обслуживанию и ремонту спец.техники. Как потом нам разъяснил наш командир взвода, основные работы в Чернобыле уже завершены, но в отстойниках стоит очень много военной техники и оборудования, которое надо ремонтировать. А что именно и как ремонтировать – мы, говорит, и сами не знаем, поэтому будем заниматься с прибором-дозиметром ДП-5А, который я знал как пять своих пальцев ещё с армейской службы. Так началась моя служба в в/ч 23767 – взвод по ремонту техники и хим.оборудования. Служба в учебке для нас показалась адом. 30-градусный мороз в бараке, в полах щели в два пальца шириной, холодно, спали в одежде, в столовой холодно, каша застывала. Занимались в основном хоз.работами, выгружали кирпич для строительства столовой, чистили снег. Без преувеличения все ждали отправки в Чернобыль. Там же в части я узнал одну на мой взгляд важную и удивительную новость. Как-то во время занятий к нам зашел офицер, как потом выяснилось – друг нашего взводного, и он только что прибыл из Чернобыля, куда сопровождал партизан. Он не много нам рассказал, но я запомнил одну вещь, которой сперва не придавал никакого значения. Оказывается, можно было заплатить спиртным или деньгами там, куда прибывает пополнение, и тебе сделают отметку о том, что ты находился в зоне. А ведь по закону не важно, сколько ты пробыл в зоне – час или сутки. Вот так, оказывается, и становились ликвидаторами...

И вот 30 ноября 1987 года у нас забрали военные билеты, выдали сухие пайки и ночью повели на вокзал. Первую партию из 30 человек отправили в Чернобыль. Ехали поездом через всю Россию и 2 декабря прибыли в город Киев. На перроне, где мы построились, я с удивлением слышал от прохожих слова «смертники приехали». Затем мы отправились в Белую Церковь, в воинскую часть, которая почему-то была совершенно пустой. Там мы переночевали и на следующий день отправились на машинах в с.Ораное, в расположение 25 бригады. Военные билеты по прежнему находились у сопровождающего нас офицера. Настроение у всех было подавленное, все были возбуждены, на нервах.

Вечером 3 декабря прибыли на распределительный пункт 25 бригады, куда за нами должны были прийти представители воинских частей. Как потом выяснилось по записи в военном билете, я направлялся в одну из частей на должность начальника ремонтной мастерской. Нас завели в палатку и сопровождающий нас офицер с нашими военными билетами ушёл к дежурному. Через некоторое время заходит офицер, называет фамилии и уводит группу, затем ещё один и ещё. Нас становилось всё меньше и меньше. И вот заходит такой же, как и мы, партизан, называет фамилии Верещак и Пухов. Мы с вещами выходим из палатки и я направляюсь в сторону ворот. – Погоди, шепчет партизан, – давай сюда. Мы заходим за палатку и подходим к сетчатому забору. – Давай через забор, – опять шепотом говорит сопровождающий. Мы перекинули вещмешки и, помогая друг другу, перелезли через забор. – Побежали, – скомандовал партизан, и мы рванули. «Это что, такая конспирация, что ли?» – думал я, убегая всё дальше и дальше, – От кого это мы так прячемся? Отбежав метров 200-300 от распредпункта и оглянувшись назад, наш попутчик

сказал, что всё нормально, можем идти спокойно. На вопрос – почему таким образом – мы узнали, что нас просто на просто обменяли на пару ботинок.

Вот так меня продали в разведку.

Оказывается, на станции сотрудникам выдавали спец.обувь – кожаные ботинки на липучках, которые очень ценились среди военных. – Вы не переживайте, что попали в роту разведки, дорогой, – говорил наш попугчик, – не пожалеете.

Обойдя расположения 25 бригады, мы подошли к маленькому палаточному городку, состоящему из четырёх больших палаток, трёх маленьких и двух вагончиков, которые приткнулись с внешней стороны к забору, который ограждал городок 25 бригады.

Так я оказался в в/ч 38867 – отдельная рота разведки которой вела дозиметрический контроль как на станции, так и по внешнему периметру вокруг станции.

Мы с Витей Пуховым оказались не единственными, кого в тот день привели в эту часть. Почти каждый день приводили одного двух партизан. Как это делалось, я не знаю, может земляки у кого-то там на распрепункте были, может за деньги покупали, а может как нас – меняли на ботинки. Но факт есть факт, и где-то после Нового Года, когда я уже ездил на станцию, к нам привели аж 15 человек, которые шли целевым направлением конкретно в одну из частей. Они были уже зачислены в штат нашей части, уже получили пропуска и ездили на станцию, когда один из них поехал домой в отпуск по семейным обстоятельствам. Прибыв дома в военкомат для отметки, он узнал, что их зачисляли дезертиры, потому что из части, куда их направляли, постоянно приходил запрос – где пополнение? И вот после полумесяца службы в нашей части их перевели в другую. И целый месяц нам не было пополнения.

Оказывается всё было просто. Шли слухи, что нас направляют в командировку аж на 6 месяцев – а кому это надо? В штате нашей части было сто человек, привели пополнение – кто-то едет домой, и вот когда от нас забрали этих 15 человек, то наши ребята, которые собирались домой, не успели оформить документы и целый месяц сидели на фоне в расположении части и на станцию не ездили, потому что пропуска им не сделали и домой не отправили, так как штат не полный. Они просто одурели, ведь с поездками на станцию время летит быстрее, а тут целый день в части одно и то же. Я им не завидую...

Палатка, куда нас привели, была большой и тёплой, стояли двухъярусные кровати человек на 25-30, посередине сложенная из кирпича печь. Посыпались вопросы – откуда мы прибыли, и выяснилось, что там двое моих земляков из Кунашака. Фарит Гумеров тут же взял шефство надо мною, уложил на свою кровать, а сам перебрался на второй ярус. Я был до такой степени ошарашен всем происходящим, расставанием со своими земляками, с которыми прибыл в Чернобыль, что просто лёг на кровать и минут пять не мог вымолвить ни слова, но потом всё прошло и началась моя служба в разведке.

Первым делом Фарит велел снять ремень и спрятать его в тумбочку, – Разведка ходит без ремней, – сказал он и повёл нас в экскурсию по 25 бригаде, показал столовую, где мы питались и всё остальное. На другой день утром мы сходили в столовую, а потом нас с Витей отправили с одним из наших водителей на могильник, где стояла техника, за запчастями. Я был ещё до такой степени ошарашен и возбуждён, что не мог даже запомнить ещё одного земляка, которого встретил на КПП одной из частей. Приехав на могильник, я увидел столько военной техники и такой разнообразной, что от удивления рот не мог закрыть, я никогда такого не видел – там были всякие краны и экскаваторы на базах автомобилей и танков. Пока наш водитель снимал запчасть с одного из БТРов, мы замёрзли, и решили разжечь костёр, чтобы погреться и получили такой разгон от проезжавшего мимо офицера, что тут же его потушили. Мы же не знали, что нельзя жечь заражённые предметы – деревья, доски, палки... Нас не кто не инструктировал.

В нашей части было несколько автомобилей, но увидев, в каких условиях работают шофера, я спрятал подальше свои права. На другой день я заступил дежурным по части, в обязанность которого входило накрывать столы в столовой, то есть получать продукты, хлеб, масло, следить за порядком в расположении части, вечером докладывать оперативному дежурному о том, что всё в порядке, происшествий нет, ночью топить печь во дворе, чтобы

нагреть воду для автомобилей, утром будить командира. И так через день, пока не получил пропуск на станцию.

И вот 11 декабря мой первый выезд на станцию. Я попал во вторую смену. Никакого инструктажа, ни постановки задач – чем я должен заниматься на станции, я ни от кого не получал. Нас посадили в машины и дорогой один из партизан сказал мне, что я пойду с ним к генералу. Какому генералу? Зачем? – недоумевал я, – И почему мной командует такой же, как я, партизан? Прибыли на станцию на АБК-1, зашли внутрь и тут все как-то мигом разошлись в разные стороны, я же стоял в растерянности и не знал, куда идти. Пошёл было за большинством, но меня не пустил часовой, оказалось что пропуск у меня выписан только на АБК-2. Пообедав в столовой, все разошлись по своим постам, я же приткнулся к ребятам, которые работали на аппарате «Русь» на входе в станцию. Там я проработал три дня, пока всё не встало на свои места я стал ездить на АБК-2.

Первое впечатление от первых дней такое – всё шло самотёком. Может быть старшие групп, такие же партизаны, и получали от командиров какие-то указания, не знаю.

На АБК-2 мы уже ездили другим путём. Нас подвозили к грузовому заезду, выгружали и мы, пройдя через пост, где стояли часовые-срочники, мимо 4 блока шли к АБК-2. Первый раз увидев саркофаг и прилегающую к нему территорию, я был поражен, какой колоссальный объём работ был произведён. Огромное спасибо и низкий поклон ребятам, которые в 86-87 гг. очищали всю грязь и покрывали всё толстым слоем бетона.

На АБК-2 я уже чувствовал себя поувереннее. Поднявшись к себе в каморку на 10 этаже, мы раздевались и спускались вниз в столовую. Нам выдавали спец.талоны на обед и ужин, и мы питались в одной столовой с сотрудниками станции. Кормили нас хорошо, даже отлично, было всё первое, второе, мясо, молоко, сметана, фрукты, давали шоколад и даже пару раз икру. Честно скажу – я всё не съедал, просто не мог. А какая там заведующая ходила – обалдеть...

После обеда опять поднимались к себе, брали приборы ДП-5А и шли по постам (золотой коридор, сан.пропускники, 5-6 этаж, вход на АБК-2, 1этаж и т.д.) Задача была одна – никого не пропускать с грязной обувью, проверяли на гамма излучение. Работали до 16-17 часов, затем опять выходили через грузовые ворота и ехали в столовую 5-6 блока на ужин и затем возвращались домой.

На воротах, где как я уже говорил, стояли солдаты-срочники, произошел один забавный случай. В отличие от других партизан, которые по территории станции могли передвигаться только строем в сопровождении офицера и через пост проходить по списку, мы же могли ходить поодиночке и у нас у каждого был вкладыш-пропуск, который действовал только с военным билетом. И вот часовой, проверяя пропуск у одного нашего товарища, для чего-то начал перелистывать страницы военного билета. Тому это не понравилось и он сделал часовому замечание. Слово за слово и началась ссора и оскорбления. Этот часовой кричит другому – закрывай ворота, и бежит к телефону, звонить в дежурную часть. Берёт трубку и орёт в неё «Группа на выезд! Партизаны бунтуют!» Мы все попадали со смеху, ждём что будет. Подлетает машина, выскакивают солдатики с оружием и из кабины выходит капитан. Видя, что мы все стоим спокойно, он с явным неудовольствием спрашивает у часового, называя его по фамилии (кстати он оказался грузином) – что случилось? – Этот и этот, – указав пальцем на двоих наших, – обзываются, – сказал он. – В машину их, – приказал капитан, и их увели. Я уже чувствовал себя увереннее и немного нагло, поэтому зная, что мне ничего не будет, спросил у капитана, как его фамилия. – Зачем, – ответил он. – Мы должны знать, кто и куда увозит наших ребят, – пояснил я. Он назвал то ли Огородников, то ли Овчинников, я уже забыл. Приехав в столовую на АБК-1, мы застали этих ребят уже за столами за ужином.

3.

После Нового года нам всем сделали пропуска уже с фотографиями и мы могли передвигаться по всей территории станции по одному, а не строем. Для того, чтобы набрать определённую дозу, я с 17 января 1988 года перешел в разведку – в цех радиационной безопасности, дежурным дозиметристом (комната № 412). Задача наша стояла в том, чтобы

по заявкам производить замеры уровня радиации в помещениях станции и составлять картограммы, то есть схемы этих помещений и уровень радиации в них. На основании этих картограмм составлялся план работ в этих помещениях, то есть сколько времени можно находиться внутри. Мы работали в паре с гражданскими дозиметристами, и вот однажды с земляком из Озёрска мы пошли проверять подвальное помещение, которое не открывали с момента аварии. Это была по-моему компрессорная, неважно. Оставив у дежурного оператора свои пропуска, мы спустились вниз и зашли в это помещение. Мой напарник зашел внутрь, а я остался у двери и начал рисовать схему. – Ничего себе, – удивлённо сказал он, делая замеры и видя, что я иду к нему, он матом вернул меня обратно. Прибор показывал уровень радиации 2 рентгена в час.

Был один случай, когда сержант-срочник спас, можно сказать, мне жизнь. К нам в дежурку зашел один товарищ, одетый в защитный костюм с противогазом, пошептался о чём-то с гражданским дозиметристом, и тот попросил меня сходить с этим товарищем, замерить уровень радиации на фильтрах, которые стояли на саркофаге вокруг 4 блока. Подойдя к железной двери, которая отделяла 3 блок от 4, мы постучались, вышел сержант и сказал, что всё закрыто, дежурного нет, а у него нет ключей, и мы вернулись обратно. Рассказав эту историю старшему нашей группы, я получил от него втык. Оказывается, ни при каких условиях мы не должны ходить в разведку одни, без гражданских дозиметристов. Но это постоянно нарушалось, и продолжали ходить в одиночку. Мною лично были проверены такие помещения 3 блока, как № 914/1, №5001, ВЗС-4, БНС-5 и т.д. Работали на станции ежедневно с 14 до 18, а с дорогой получалось с 12 до 21.

Набрав дозу в 7 бэр, я вновь перешел на посты, уступив место другому, так как нас предупредили, что норма была 10-12 бэр и если переберёшь, то посадят на фон, то есть на станцию выпускать не будут. Нам ставили всем одинаковые дозы за смену, в зависимости от постов – от 0,05 до 0,10 бэр, а в разведке 0,15 бэр. Однажды после замера одного из помещений, я не прошел дозиметрический контроль в столовой, так как сильно фонила одежда, и мне пришлось идти на ужин через чёрный ход. Надо отдать должное нашему старшине – ещё по прибытию в часть ему задали вопрос, как будем ездить на станцию, в какой форме и как потом поедем домой. – Это проблема не ваша, – сказал он и действительно, забегаю вперёд скажу, что домой мы поехали в новом обмундировании, от носков до шапки и бушлата. Так и в этом случае – прибыв в часть со станции, я сказал старшине, что меня не пустили в столовую, и тут же получил другое обмундирование.

По моему мнению, на станции был если не бардак, то беспорядок точно. Командиров было много, и военных и гражданских, и все кому не лень, командовали. И мне кажется, что если бы всё шло под одним командованием, то жертв трагедии было бы меньше.

Стоя на постах я часто видел такую картину: идёт по коридору такая дородная тётка, покачиваясь как уточка, а за ней 3-5 партизан с ведрами и швабрами, и она тычет пальцем по сторонам – там помой, там подмети. Для чего их призывали – чтобы туалеты убирать, или в столовой картошку чистить да посуду мыть? А всё потому, что не было объёма работ, а машину по призыву людей на ликвидацию аварии никто не рискнул остановить до весны, когда растает снег. Некоторые работники станции нам не подчинялись, пинали по нашей клюшке, матерились.

Был со мной один случай. Я стоял на посту на 1 этаже АБК-2, проверял всех, кто заходил с улицы. В фойе было много народу, в основном партизаны, которые ждали машин, что бы ехать в часть. Я стоял расслабленный, честно сказать, надоела вся эта бесполезная работа, ведь за 3 месяца я не обнаружил ни одной грязной обуви. Вдруг я почувствовал на себе пристальный взгляд, потихоньку оглядев всех присутствующих, я обнаружил одного, одетого как все партизаны, который наблюдал за мной. В это время вошли два работника станции и попытались пройти мимо меня без проверки. Я стал их останавливать, но они продолжали идти дальше, и тут мне на помощь подошел этот человек, который наблюдал за мной. Он их остановил и представился. Это был начальник разведки подполковник Казыханов. Гражданские с ним поругались, но всё таки прошли контроль. А мы с товарищем подполковником ещё минут пять мило побеседовали, он меня расспросил, откуда я призвался, и как дела. Но я его запомнил его и с другой стороны. Первые дни мы ходили к

себе на АБК-2 через АБК-1 по золотому коридору, но однажды этот подполковник остановил нас и запретил ходить по золотому коридору и сказал, чтобы ходили по улице. Всякие люди встречались. Один мент забрал права у нашего водителя и отдал их после того, как мы почистили территорию вокруг его будки, хотя он прекрасно знал, что заходить на обочину дорог строго запрещено. Другие пропускали нашу грязную машину на КПП без проверки, конечно же, не просто так. Были и работники столовой, которые за деньги или талоны отоваривали нас сгущенкой и тушенкой.

Были и среди нас чудики. Один раз, заехав по пути на станцию в Чернобыль, один наш товарищ набрал в магазине одеколон и, употребив его не по назначению, на станции стал работать лифтером, то есть находясь в лифте, он спрашивал всех кто заходил в лифт, куда ему надо и нажимал кнопки, пока не попал военным, и те не сдали его в комендатуру. Были у нас и офицеры, которые боялись лишней раз показаться на АБК-2, потому что здесь было грязно и всё время находились на АБК-1. В то же время были и среди нас, партизан, такие же, которые как огня боялись станции. Например, наш писарь и его помощник ни разу не были на станции, а выезда себе ставили, ведь за каждый выезд выплачивали потом 4 тарифные ставки. Но, всё-таки, честных мужиков было больше, и все они честно выполняли свой долг.

Я вспоминаю, как всю дорогу, пока мы ехали на станцию, а это около 2 часов, у нас в машине, в которой ехало 20-25 человек, ни на минуту не смолкал смех. Всю дорогу рассказывали анекдоты, смешные истории, забавные случаи из своей жизни. Большинство из нас были шахтёры с Украины, были и русские с Урала и Москвы, были и азербайджанцы и армяне, короче, весь Советский Союз пришёл на помощь украинскому и белорусскому народам.

Хотелось несколько слов сказать о медобслуживании и влиянии радиации. Хоть и говорят, что радиация не видима и не ощущаема, но я несколько раз почувствовал её на себе. Первый раз, когда прибыл в часть, сразу же заболело горло как при ангине, и нам фельдшер дал какие-то таблетки. В этот же день у меня остановились электронные часы. Через несколько дней поездки на станцию у меня стала болеть голова, я сперва не мог понять отчего, а потом понял – ложась спать, я вешал шапку на гвоздик в изголовье, вот она-то и фонила, пришлось выбивать из неё грязь.

Про другой случай расскажу подробнее. Мимо нашей части (это на задворках 25 бригады) бежал маленький, но очень вонючий ручеёк. Сколько времени он бежал, я не знаю, и всё было тихо и мирно, и мы с ним смирились, пока в часть не пришёл новый командир, капитан Дротик, и не доложил об этом ручейке наверх. И тут началось – комиссия за комиссией, проверка за проверкой, и вот вынесли вердикт – проживать здесь невозможно, надо переносить палатки в другое место, и дали срок две недели. Спасибо командиру, который был умнее всех, и не дал сразу разбирать все палатки, – А начнем, – говорит, – с красного уголка, и посмотрим, как пойдут дела. А как разбирать то, что сделано капитально и с душой? Палатка, которая обита внутри фанерой и постелен пол, – конечно же, половина всего была сломана. И вот для разборки палатки было решено одну смену оставить в части, а вторая смена едет на станцию на весь день, то есть работать в первую и во вторую смену. Я попал на станцию и, пробыв там две смены, на следующий день утром не смог подняться на ноги – была слабость, кружилась голова и меня фельдшер оставил дома, дав всё те же таблетки. И никакого медобследования мы не проходили.

Однажды ночью, часа в 3, нас подняли и повели в расположение 25 бригады, разбудили фельдшера и он взял у нас кровь. Через два дня снова будят, и говорят – надо сдать кровь повторно, потому что медик перепутал все наши анализы. Но мы не пошли. Вот и всё медобследование. Что же касается этого ручейка, то всё оказалось проще пареной репы. Метрах в 300 от нас стояла баня и вся вода сливалась в колодец, из которого выкачивали воду машинами. То ли они не успевали, то ли ещё что-нибудь другое, но водичка промыла насыпь и потихоньку текла мимо наших палаток. Заделали дырочку и ручейка не стало и мы остались на месте.

Хотелось затронуть ещё один момент. Все мы там работали не за награды и не за славу, но в душе каждый ждал, что его похвалят и скажут спасибо. Обычно на праздник так

и происходит, и все ждали приближения 23 февраля. И вот, на мой взгляд, была допущена одна ошибка, которая омрачила этот праздник. Офицерами накануне праздника был кинут клич – пишите свои пожелания, кто что хочет получить, какое поощрение. И все кинулись писать. Но разве так делается в армии? В итоге получили конечно же не то, чего ожидали. Мне вручили благодарность, а вот старший смены с АБК-1, который был в дружеских отношениях с офицерами нашей роты, потому что они постоянно находились там, получил медаль. Также и после Чернобыля – ордена и медали выдавались в первую очередь членам актива. Среди личного состава шли разные слухи о льготах, которыми мы должны были пользоваться дома, но что это за льготы, никто не знал. Нам выдавали справки, что мы должны пользоваться льготами за номером таким-то и таким, но расшифровки этих льгот не было. Мы вынуждены были бегать в штаб 25 бригады, где нам разъяснили все наши льготы, но официальной бумаги – распечатки льгот, так и не дали.

4.

Ещё несколько моментов которые наиболее ярко мне запомнились.

У нас не было питьевой воды. Вечером, возвращаясь домой со станции, мы заезжали на склад, брали 6 ящиков минеральной воды (по два ящика на палатку) и за ночь мы выпивали всю воду. Даже зубы чистили минералкой. Иногда мы ходили в с.Ораное на почту или в магазин, и вот, когда я первый раз пришёл в село, то был сильно удивлён – стояла такая тишина, что даже на уши давило, люди были замкнуты и неразговорчивы, их было мало и не слышно было ни детского крика, ни лая собак.

На станцию мы ездили на грязной машине, даже и не пытаясь заезжать на контроль, так как аппарат дозиметрического контроля на КПП звенел и сверкал как новогодняя ёлка. Уже после Нового года в часть пришла чистая машина, на ней мы доезжали до КПП, пересаживались на грязную, которая нас здесь дожидалась и ехали на станцию. И так каждый день, в течении трёх месяцев, я выполнял свою работу – 86 выездов на станцию на 3 блок (3 блок находился под одной крышей с 4 блоком, который взорвался). И это была рутинная ежедневная работа, которую я выполнял без страха. Единственное, что я боялся на станции – это заблудиться.

И вот наступило 7 марта 1988 года. Был обычный день и обычная рабочая смена, но когда вечером приехали в часть и я зашел в палатку, то мои друзья сказали, что завтра едут домой. Для меня это был удар, шок, истерика. Как так, я остаюсь, а они едут домой, да ещё те, которые на день-два пришли позже мен? Я пошел к командиру. – Ну что я сделаю, – сказал он, – давай оставим кого-нибудь из них, а тебя отправим домой и, тем более, у нас в смене не хватало людей. Спасибо старшему нашей смены Лазареву, который сказал, что встанет на посты вместо меня, но для этого надо было, что бы в часть пришло ещё пополнение, хотя бы один человек. Часа два я ходил по части сам не свой. И вот крик – ведут. Я выскакиваю из палатки, хватаю ничего не понимавшего и не соображавшего новенького, веду его к себе, показываю свою кровать и говорю – это твоя. Всё, моё место занято. Бегу к командиру, и тот даёт добро на моё увольнение. Иду к старшине, получаю новое обмундирование. И опять проблема, уже с финансами. Нет денег, а нас ещё не рассчитали за февраль, но и здесь нашлись добрые люди. Один парень из Западной Украины дал мне денег, а я ему доверенность на получение моей зарплаты (в Чернобыле мы получали командировочные в размере 3 рублей с копейками в день, дома у меня шла средняя зарплата, которую получали родные и после Чернобыля за каждый выезд на станцию должны были выплатить тарифную ставку в 3-х кратном размере). Всю ночь мы просидели в красном уголке, готовились, переодевались, получали документы и рано утром на машине поехали в с.Иванково на автовокзал. Нас было наверное человек 5-7, уже не помню. В Иванкове взяли билеты на первый автобус и поехали в Киев. Когда приехали в Киев и с автовокзала поехали на ж/д вокзал, мужики всю дорогу смеялись надо мной. А дело в том, что я всю дорогу почему то оглядывался назад. – Не бойся, – говорили они, – никто тебя не догонит и не вернёт назад. На вокзале мы все попрощались друг с другом и мужики поехали в свои стороны, а мы с Витей Пуховым стали ждать поезд на Челябинск, который отправлялся

вечером. Сейчас я сильно жалею, что мы не обменялись адресами, но тогда у всех нас было такое чувство, чтобы побыстрее забыть этот ужас, и что бы ничто не напоминало об этом.

У нас с Витей был весь день свободный, и мы взяли билеты на поезд, сдали вещи в камеру хранения и поехали на экскурсию по Киеву. Красивый город. А вечером сели в поезд Киев-Челябинск и поехали домой. Хотелось бы ещё раз сказать спасибо нашему старшине за новое обмундирование, потому что с нами в вагоне ехали ещё два партизана из другой части, и у них бушлаты и форма были грязными. Смотреть было неприятно. А у нас была чистая, опрятная. Так закончилась моя борьба с радиацией и началась новая, но уже с нашей бюрократией.

Встретили меня хорошо. Военком поблагодарил меня за работу на станции и к 6 дням отпуска, которые мне полагались за выезды на станцию, добавил ещё три дня. Когда вышел на работу, было много расспросов – что да как, а где-то через неделю на имя директора совхоза пришло благодарственное письмо из части, и мне на собрании вручили подарок – настольные часы, которые живы до сих пор и прекрасно ходят. Когда пришла партия новых машин, то первую машину вручили мне. Позже, в 1996 году, как ликвидатор, я получил четырёхкомнатную квартиру. А вот когда пришел в бухгалтерию, с финансовой справкой об оплате моих выездов на станцию в 3-х кратном размере тарифной ставки, то у главного бухгалтера забегали глазки, он стал заикаться и говорить, что в справке не указана продолжительность смены, что надо вычесть выходные и т.д. Я сказал ему – пиши и считай как тебе надо, мне было смешно на него смотреть, ведь я считал себя хоть и не героем, но и не трусом, потому что я сделал это, прошел через это испытание. И ещё несколько раз этот бухгалтер ставил мне палки в колёса, пока его не поставил на место военком.

К военкомату тоже есть претензии. За 15 лет после Чернобыля нас трижды вызывали в военкомат, собирали копии документов о Чернобыле, говорили, что это надо для награждения нас орденами и медалями, и на этом всё заканчивалось. Попытался я в 2013 году решить этот вопрос через президента, написал ему письмо, пришел ответ от министерства обороны, что распоряжением президента все вопросы, связанные с Чернобылем, военкоматами больше не принимаются. Что это? Забыли про нас?

Как Чернобыль отразился на моём здоровье.

Когда приехал с Чернобыля, меня отправили в Озёрск, фотографироваться на пропуск. Три раза я ездил туда и всё фотографии не получались, верх головы засвечивался. Пока не постригся. Уже летом 1988 года у меня начались страшные головные боли, начались поездки по больницам и в 1990 году в Челябинск, в ФИБ (филиал института биофизики). Вышел оттуда с диагнозом «гипертоническая болезнь и артроз левого коленного сустава». Ещё там в ФИБе одна пожилая женщина-медик сказала – вылечить мы вас не вылечим, даже не надейтесь, а вот поддерживать будем. Ещё тогда мне показалось предвзятое к нам отношение. Почему-то все считали, что болезней у нас нет, а есть просто радиофобия. Первые десять лет после Чернобыля один раз в квартал нас вызывали на комиссии, сдавали анализы, не обращали внимание на наши жалобы. Мужикам, которые понастырнее, приходилось годами ходить из кабинета в кабинет, чтобы оформить себе инвалидность. Потом всё затихло. В 1998 году лежал в Челябинске в реабилитационном центре на обследовании. Вышел с кучей болезней. В 2004 году у меня обнаружили сахарный диабет. А в 2014 году ампутировали правую ногу. После операции я умер, остановилось сердце, клиническая смерть, откачивали меня 6 с половиной минут. Спасибо за это врачам и сёстрам хирургического отделения Кунашакской районной больницы. Пролежал я в больнице два с половиной месяца. Вот так Чернобыль отметил меня. Мне одно не понятно – почему врачи говорят, что у нас нет болезней, и в то же время ликвидаторы-чернобыльцы уходят один за другим. ФИБ, где я лежал и лечили чернобыльцев, в настоящее время закрыт. Реабилитационный центр в Челябинской областной больнице тоже...

Ну вот и всё. Как то так ...

P.S. Я часто вспоминаю своих друзей однополчан. Пухов Виктор, Харитонов, Земляченко Илья, Оселедков... Месяц назад меня навестил друг-однополчанин Гафнер Саня, которого я не видел почти 30 лет. Здоровья вам друзья, и всем чернобыльцам здоровья и ещё раз здоровья.

Товарищу **ВЕРЕЩАК**
ИЛЬЕ ПЛАТОНОВИЧУ

Выполняя задание Советского правительства в необычно сложной обстановке, Вы уверенно прошли испытание на мужество и стойкость, проявили высокие морально-политические и психологические качества. Глубокое понимание личной ответственности за порученное дело помогло Вам внести достойный вклад в дело ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Выражаем Вам сердечную благодарность за образцовое выполнение патриотического долга перед Родиной.

Командир войсковой части 5 9828
ПОЛКОВНИК *В. Р. НИЗОВ* =Ф.Р. НИЗОВ=
Заместитель командира по политической части
ПОЛКОВНИК *В. П. ЯЩУК* =В. П. ЯЩУК=

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

РУКОВОДИТЕЛЮ ПРЕДПРИЯТИЯ
СЕКРЕТАРЮ ПАРТИННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРОФКОМА
СЕКРЕТАРЮ КОМИТЕТА ВЛКСМ

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Из вашего коллектива для выполнения важного Правительственного задания был призван товарищ **ВЕРЕЩАК ИЛЬЯ ПЛАТОНОВИЧ**

В ходе проведения работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС он проявил высокую политическую сознательность и дисциплинированность, стойкость и мужество.

Тов. **ВЕРЕЩАК И.П.** пользовался заслуженным авторитетом среди товарищей по службе, являлся для них примером в работе по подготовке к пуску ряда важных объектов Чернобыльской атомной электростанции. Своим самоотверженным трудом он доказал, что весь советский народ, партия и правительство в трудную для нашей страны минуту могут полностью положиться на наших воинов.

Просим вас довести до сведения трудового коллектива о примерном выполнении тов. **ВЕРЕЩАК И.П.** своего конституционного долга перед Социалистической Родиной. Выражаем уверенность, что он и впредь будет отдавать все свои силы, знания и энергию для процветания Отчизны.

Командир войсковой части 38867
В. П. ДРОТИК =ДРОТИК=
Начальник политического отдела
В. П. ЗУБЧИК =ЗУБЧИК=

СПРАВКА

14 июля 1987 г.
г. Орджоникидзе

Верещак Илья Платонович
(фамилия, имя и отчество военнообязанного)

призванный на учебные сборы *Киндизский РВК*
(наименование военкомата)

исполнял обязанности в войсковой части *38867*
(условное наименование в/части)

в период с *3* декабря 1987 г. по *8* июля 1987 г.
(указать количество дней прописью) *девятию месяцам*

1. Согласно статье 72 Закона СССР о всеобщей воинской обязанности за весь период за ним сохраняется по месту работы средний заработок и подлежит выплате на основании соответствующего военкомата.

2. В соответствии с постановлениями ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР та Министров СССР и ВЦСПС от 7 мая 1986 г. и распоряжениями Совета Министров СССР от 17 и 23 мая 1986 г. ему кроме того надлежит выплатить:

а) *100* процентов тарифной ставки (должностного оклада) за *восемь месяцев*
(указать количество дней прописью)

б) тарифную ставку (должностной оклад):

- в трехкратном размере за *декабрь 80, сентябрь 80, февраль 87*
(указать количество дней прописью)
- в двухкратном размере за _____
(указать количество дней прописью)
- в однократном размере за _____
(указать количество дней прописью)

Всего подлежит оплате в *кратном* размере *девятию месяцев*
(указать количество дней прописью)

3. В соответствии с постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 1986 г. он имеет право на дополнительный отпуск по месту постоянной работы сроком _____
(указать количество дней прописью)

СТЕРСТВО ОБОРОНЫ

КОВАЯ ЧАСТЬ

38867-

марта 1988
№106

СПРАВКА

Дана Верещак Числ Платонов в том,
с "3" декабря 1987г. по "8" марта 19

выполнял служебные обязанности химика-дозимет
В/ч 38867, по ликвидации последствий аварии на
нобыльской АЭС. Основание: приказ командира в
№ 67 от 8.03.88г. Полученная доза радиоактивного о
ния составляет 8,073 БЭР. Основание: журнал
доз внешнего облучения личного состава В/ч 38
за март 1988г.

частники работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльско
мент право на льготы, установленные Постановлением ЦК КПСС и Со
инистров СССР от 7.05.86г. № 524/151, распоряжением
а Министров СССР от 17.05.86г. № 1031, Поста
ием Совета Министров СССР и ВМФ от 5.06.86г. № 665/195, Прика
инистров Обороны СССР № 147 от 1986г.

КОМАНДИР ВОИНСКОЙ ЧАСТИ 38867
КАПИТАН =ДРОТНИК=

